

СОДЕРЖАНИЕ

ЭССЕ

Речь по случаю поступления в газету	5
Беседа литературного подёнщика	9
В связи с великим землетрясением	
1 сентября 1923 года	13
Японские женщины	32
Один неизвестный писатель	45
Диалог Востока с Западом	47

СТАТЬИ

Литературное, слишком литературное	53
Отказаться от дурной тенденции	140
Об искусстве и прочем	154
Ответ критику	161
Плюсы и минусы пролетарской литературы .	163
Так уж я думаю	166
Мой взгляд на «Повесть о себе»	168
Беседы о литературе	176
Десять заповедей писателю	180
Предисловие к сборнику переводов	
на русский язык	185
Завещание	187

ПИСЬМА

1909	195
1910	198
1911	202
1912	205
1913	218
1914	261
1915	293
1916	313
1917	338
1918	385
1919	409
1920	424
1921	434
1922	456
1923	458
1924	460
1925	464
1926	472
1927	473

РЕЧЬ ПО СЛУЧАЮ ПОСТУПЛЕНИЯ В ГАЗЕТУ¹

Два последних года я преподавал английский язык в военно-морской школе механиков. Для меня эти годы ни в коем случае не были неприятными. Почему? Потому, что до сих пор я был удостоен особой привилегии в свободное от выполнения служебных обязанностей время заниматься творчеством или, можно сказать и так, в свободное от творчества время выполнять свои служебные обязанности.

Даже мне, несведущему, стало известно, что попытка преподавателя А. познакомить учащихся с философией сверхчеловека вызвала недовольство Министерства просвещения. Другой преподаватель Б. был обруган военными властями за то, что погрузился в работу, посвящённую проблемам любви. И то, что в отличие от этих педагогов я, до сих пор будучи преподавателем государственного учебного заведения, мог совмещать свою работу с писа-

---

¹ ...по случаю поступления в газету. — В марте 1919 г. Акутагава поступил в газету «Осака майнити симбун», в которой обязан был печатать определённое количество своих произведений. — Здесь и далее примеч. пер.

тельским трудом, воспринимается мной как высшая милость его величества, за которую я должен принести свою сердечную благодарность. Причём А.-сэнсэй и Б.-сэнсэй были великолепными штатными профессорами, а я — ординарным нештатным профессором, и поэтому подобием воздуха свободы, которым я мог дышать, военно-морское начальство не столько благодетельствовало меня, сколько, возможно, закрывало глаза на его появление по той простой причине, что я для него как бы не существовал вовсе. Но подобное объяснение нужно рассматривать не только как проявление невежливости к своим вчерашним начальникам, но и желание выразить своё искреннее сожаление всем преподавателям, так много помогавшим мне советами. Поэтому, если бы не было внешних препятствий, я, тронутый до слез безбрежным как море благодеянием военно-морского начальства, был бы готов, вдыхая полной грудью густые клубы дыма, извергаемые Йокосукским военным заводом, повторять до бесконечности объяснение текста «Это собака».

Но, к несчастью, мой двухлетний опыт показывает, что как педагог, особенно как педагог, обязаный лепить будущих морских офицеров, сколь бы велико ни было мое самомнение, я абсолютно неподходящий для этого человека. Я никудышный преподаватель, которого должны были немедленно изгнать из школы хотя бы потому, что я не могу как пиллюлю проглотить существующий в современной Японии правительственный курс образования. Разумеется, хотя я отчётиливо сознавал это, опасаясь

оставить свою семью без средств к существованию, мобилизовал весь свой несколько сомнительный лингвистический капитал и был уверен, что смогу открыть заведение, где продолжу работу, связанную с преподаванием. Нет, если бы у меня не явилось желания, хотя и неумело, но целиком заняться литературным творчеством — пусть даже мне бы пришлось страдать от невозможности заработать этим на жизнь, — я бы, пожалуй, навсегда остался профессором прославленной военно-морской школы. Но я сегодняшний отличаюсь от себя вчерашнего и, если не отдаю все силы художественному творчеству, не буду чист ни перед жизнью, ни перед самим собой. Если говорить о времени, теперь мне не придётся пять раз в неделю с восьми часов утра до трёх часов дня работать как машина. И вот теперь, пре-небрёгши мольбами начальства и своих сослуживцев, гражданских и военных, я наконец поступил в газету «Осака майнити симбун».

Газета будет платить мне приличное жалованье. Мало того, она не требует, чтобы я ежедневно ходил в редакцию. Мне, мало сведущему в табели о рангах, это позволяет занять положение, намного предпочтительнее получения очередных чинов по указу императора, по мере того как становишься всё более седым.

Вот почему я от всего сердца поздравляю себя с поступлением в газету. Вместе с тем хочу поздравить наш императорский флот, ведь из него бесследно исчез такой никудышный преподаватель, как я. Древние китайцы говорили: «Не возвращайся, пусть твою соломенную хижину овевают весенние

ветры»¹. Но я не считаю себя человеком, постигшим тайны пути. Раскаиваться в прошлых заблуждениях, признавать нынешнее благо не мне, человеку, исповедующему принцип не возвращаться в прошлое. Осенние ветры уже овевают мою соломенную хижину. Я отправляюсь в путь вместе с перелётными птицами.

---

¹ *Древние китайцы говорили...* — Приводятся слова из стихотворения китайского поэта Тао Юаньмина (365—427).

БЕСЕДА ЛИТЕРАТУРНОГО ПОДЁНЩИКА

Редактор. Не напишете чего-нибудь для следующего номера моего журнала?

Писатель. Ничего не выйдет. В последнее время меня прямо одолели болезни и мне совсем не пишется.

Редактор. Все-таки я на вас очень надеюсь.

Мы довольно долго спорили о том, должен ли я что-то написать.

Писатель. ...Такие-то вот дела. Как это ни прискорбно, но вы все-таки должны меня понять.

Редактор. Вы ставите меня в тяжёлое положение. Мне всё равно, что вы напишете, хоть две, хоть три странички. Достаточно того, что в журнале появится ваше имя.

Писатель. Разве не глупо помещать в журнале такую мелочь? Жалко прежде всего читателей, да и журналу будет нанесён ущерб. Вас всякий кому ни лень будет ругать за то, что, выставив в лавке баранью голову, продаёте собачью.

Редактор. Нет, никакого ущерба это не нанесёт. Когда публикуется произведение безвестного

автора, если вещь хорошая — хорошо, если плохая — плохо, при этом вся ответственность ложится на журнал, а когда появляется произведение известного, выдающегося мастера, ответственность за то, хорошее оно или плохое, полностью несет автор.

Писатель. Ну что ж, значит, тем более ничего не получите.

Редактор. Но ведь для такого выдающегося мастера, как вы, пара неудачных произведений не нанесёт особого ущерба вашей славе, так что опасаться вам нечего.

Писатель. Из ваших рассуждений следует, что, если существованию человека не будет нанесён урон от того, что у него украдут пять-десять иен, воровство нечего осуждать. И позор тому, у кого украли.

Редактор. Одно упоминание о воровстве уже неприятно, лучше называть это пожертвованием.

Писатель. Бросьте ваши шуточки. Журнал покупает рукопись, это обычная торговая сделка, правильно? Её можно прикрыть любой вывеской — выдвигать требования, говорить о некоей миссии. Но мало найдётся журналов, которые были бы настолько нелояльны к требованиям или миссии, что наносили бы ущерб автору. У продающегося писателя покупают рукопись, у непродающегося — не покупают, даже если он будет умолять, это вполне естественно. Следовательно, и писатель должен, базируясь на личных интересах, отказать журналу или принять его предложение, правильно?

Редактор. Но мне бы хотелось, чтобы вы подумали о надеждах ста тысяч читателей.

Писатель. Это чистой воды романтизм, не способный и ребёнка обмануть. Даже среди школьников не найдётся ни одного, кто примет ваши слова за чистую монету.

Редактор. Вы не правы, я призван добросовестно выражать надежды читателей.

Писатель. Со своей стороны вы, видимо, правы. Выражаете надежды читателей и в то же время преуспеваете в торговой сделке.

Редактор. Мне неприятно, что вы так думаете. Вы всё время повторяете: торговая сделка, торговая сделка, но я прошу вас написать нам не ради самой этой сделки. А потому, что мне действительно нравятся ваши произведения.

Писатель. Может быть, это и в самом деле так. Во всяком случае, в том, что вы просите написать вам, есть, видимо, и определённая доля доброжелательности. Такого мягкого человека, как я, вашей доброжелательностью легко тронуть. Я всё время говорю: мне не пишется, мне не пишется, но, если бы писалось, я действительно хотел бы написать для вас. Но необдуманно соглашаться — последнее дело, идти на это ни в коем случае нельзя. Если я и избегну неприятностей, то неизбежно с ними столкнётесь вы.

Редактор. Тронут вашим расположением. Почувствуйте и вы моё расположение к вам.

Писатель. Но я не могу чувствовать расположение к происходящему.

Редактор. Прошу вас, не ищите всё новые и новые предлоги, лучше напишите нам что-нибудь. Подумайте о моей репутации.

Писатель. Не знаю, что и делать. Давайте я опишу нашу беседу.

Редактор. Если нет другого выхода, пожалуйста. Я просил бы вас написать к середине месяца.

Перед ними неожиданно возникает человек в маске.

Человек в маске (*обращаясь к писателю*). До чего же ты бесчувственный тип. Сколько же в тебе самомнения — ты обязан немедленно выполнить свой долг, пиши что угодно, все, что приходит на ум. Однажды я был свидетелем того, как Бальзак за вечер написал прекрасный рассказ. Когда кровь ударила ему в голову, он опускал ноги в горячую воду. Когда я вспоминаю его потрясающую силу духа, ты и подобные тебе представляются мне мертвецами. Немедленно выполнни свой долг, почему тебя не научили этому? (*Обращаясь к редактору*.) Ты тоже не особенно предусмотрителен. Печатать какую-то сомнительную рукопись — это даже в Америке связано с проблемой законности. Подумай чуточку не только о сиюминутных интересах, но и о том, что существуют некие высшие материи.

Редактор и писатель, не в силах вымолвить ни слова, растерянно смотрели на человека в маске.